1894—96 г.г. *). Конечно, пружины рабочихъ продолжали существовать и далѣе; но они прекратили изъ главной формы движенія въ служебную, соотвѣтственно чему измѣнилось и содержаніе работы въ низъ, съ момента перехода къ массовому движенію пружинъ была поставлена задача подготовки агитаторовъ. Въ отдѣлахъ утомлясь, гдѣ не было массового движенія, пружины продолжали дѣйствовать въ своей первоначальной формѣ. Главнымъ средствомъ воздѣйствія на массу являлись прокламаціи и популярныя брошюрки. Литература служила какъ цѣлямъ массовой агитаціи, такъ и цѣлямъ массовой пропаганды. Агитируя, соціалдемократы формулировали требованія рабочихъ, для борьбы за которыя пытается силы и средства. Агитація есть прологъ къ борьбѣ. Поэтому, содержаніе соціалдемократической агитаціи обусловливалось условіями мѣста и времени, формами борьбы, которую уже вели пролетаріатъ въ данномъ городѣ, для котораго которой у него были и силы, и средство. Массовая пропаганда, напротивъ, не зависѣла отъ условій мѣста и времени, ея задачей была популяризація основныхъ соціалдемократическихъ идей, всѣхъ желаній соціалдемократіи, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ. Мысль эта довольно удачно формулирована въ одной петербургской прокламаціи отъ апрѣля 1899 г.: «Мы не выпускаемъ заборъ политической борьбы, ибо мы сознаемъ твердо помнимъ, что политическая свобода—одно изъ условій торжества рабочаго класса. Но мы не хотимъ, чтобы политическая агитація висѣла въ воздухѣ, мы хотимъ, чтобы она была связана съ непосредственными, реальными нуждами рабочаго класса, чтобы она опиралась уже назрѣвшимъ вопросомъ изъ. Политика—надстройка надъ общественными отношеніями производства, и политическая агитація должна быть надстройкой надъ борьбой экономической, должна нарастать на почвѣ этой борьбы и идти за нею. Другое дѣло пропаганда; здѣсь наши политическіе идеалы могутъ и должны развертываться въ ихъ полномъ объемѣ». Поэтому, содержаніе массовой пропаганды было въ общемъ неизмѣнно въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ; напротивъ, содержаніе массовой агитаціи, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, сильно измѣнялось. Первоначальныя ея содержаніемъ были экономическія требованія и нужды. Потомъ появились правовыя требованія, — свобода слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ, неприкосновенность личности. Наконецъ, появились требованія реформы государственнаго строя,—«свержена самодержавіе». Эти перемѣны въ содержаніи агитаціи находились во внутренней связи съ измѣненіемъ формъ борьбы, — рядомъ съ экономической забастовкой появились политическія уличныя демонстраціи. Экономическая агитація сопровождалась созданіемъ экономическихъ организацій,—massъ стачечной борьбы въ Вильнѣ и Кіевѣ, аналогичныхъ организацій въ Петербургѣ.

Въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ гг., подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ условій массовой агитаціи и пропаганды въ

*) О зачаткахъ рабочаго движенія въ Москвѣ см. интересную статью С. М. „На зарѣ рабочаго движенія въ Москвѣ, въ сб. „Гегущей молніи“. Москва 1906.

Россіи, среди соціалдемократовъ-интеллигентовъ появилось новое теченіе, стремившееся консолидировать соціалдемократическое рабочее движеніе въ единую соціалдемократическую партію,—съ единствомъ программы, организаціи и тактики. А такъ какъ «соціалдемократическая партія безъ политической борьбы — это рѣка безъ воды» (Аксюкъ стр. 111), то все пониманіе этого новаго теченія было обращено на политическую борьбу. Въ политическихъ условіяхъ самодержавной Россіи политическая борьба необходимо заключала въ себѣ большую роль борьбы съ политической полиціей,—поэтому все дѣятельность партіи должна была быть сосредоточена въ рукахъ «организаціи профессіональныхъ революціонеровъ», которая только опирается на рабочее движеніе. Отсюда—отрицательное отношеніе къ рабочему движенію, какъ таковому, отрицаніе диалектики его развитія, отождествленіе его съ трудъ-вопиющимъ (Ленинъ, Что дѣлать, стр. 28). Блестящая характеристика отношенія соціалдемократіи, превратившейся въ «организацію профессіональныхъ революціонеровъ», къ массовому рабочему движенію въ этотъ врачный періодъ нашей партійной исторіи дана А. Н. Потресовымъ. «Чѣмъ были, спрашиваетъ, онѣ, для интеллигентныхъ стихіи пролетарскаго движенія? Несомнѣнно, полезнѣ необходимыхъ разнаго рода приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціонного воздѣйствія, но только отнюдь не той формирующей массой, изъ которой бы непосредственно вырастало, путемъ естественнаго подбора, живое и организованное тѣло соціалдемократической партіи... Грущное интеллигентское «я» не подчиняетъ имъ пролетарскаго движенія!... Революціонеръ превратился въ демиурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, несмотря на все почтеніе, обычно ему выказываемое, оставался въ положеніи объекта, первоначальнаго матеріала, изъ котораго подлинныхъ творцовъ революціи»*). Результаты такой постановки соціалдемократической работы сказались весьма быстро. Единая соціалдемократическая партія основывали на съѣздѣ 1898 г. и потомъ второй разъ въ 1903 г.; была совершенно лишена творческихъ силъ. Обладая сильно развитымъ агитаціоннымъ аппаратомъ, располагая большимъ числомъ пропагандистовъ, она была совершенно неспособна организовать рабочія массы. Потресовъ, отрицательно относитъ къ попыткамъ экономизма, замѣчаетъ: «но въ одномъ онѣ были правы: при существовавшихъ тогда предпосылкахъ соціалдемократическія партіи были невозможны» (стр. 276). Партійный механизмъ не дѣлалъ живой работы: «Машина не дѣйствовала: она скрипѣла, она судорожно двигала своими отдѣльными частями и не трогалась съ мѣста, какъ цѣлое... Внутри партіи производилась идеологическая работа должна—перестройки, назначенія и провозглашенія чистей, но до нѣй—ея полса вертѣлась бешеновато взъ вокругъ, не забирая массы, ради принципіи которой въ дѣйствіи, вѣдь только и существовалъ весь сложный партійный аппаратъ»**).

Оторванность партіи отъ рабочихъ массъ особенно ясно сказалась 1 мая прошлаго года, когда рабочіе Кіева не новинки смотрѣть, какъ это соціалдемократы будутъ манифестировать на улицахъ Петербурга.

*) Потресовъ, Эскизы о русской интеллигенціи, стр. 275—6, 281.
**) Потресовъ, стр. 303—304.